

Отпечатано в феврале 2019 года в количестве 1000 экземпляров, из них 80 специальных экземпляров в продажу не поступают

Предисловие

Книга впервые наиболее полно знакомит читателя с творчеством Алексея Николаевича Чичерина (1889–1960) — поэта и теоретика отечественного авангарда, стоявшего у истоков Литературного центра конструктивистов.

Настоящее издание представляет практически весь корпус известных на сегодня чичеринских работ. Часть произведений публикуется впервые, издания других работ давно стали библиографической редкостью.

Наследие Алексея Чичерина отличается и компактностью, и разнообразием: два десятка прозаических фрагментов и стихотворений, графическая поэма (цикл литографий, выполненных Б. Земенковым по инструкциям автора), две авангардистские декларации, ряд «конструкций» и «конструэм», полемическая статья о проблеме жанров, воспоминания о Владимире Маяковском и литературной жизни 1920-х и, наконец, поздняя иносказательно-эзоповская «Поэма».

Жанровый разброс чичеринского творчества помогает воссоздать образ малоизвестного и почти забытого автора. В стихах и графической поэме прослеживаются черты харизматического артиста, пылкого гражданина и странника, не чуждого религиозным экзальтациям. Нетерпимость к несправедливости проявлялась Чичериным как в бытовых, так и в социально-политических вопросах: различный материал об этом дают воспоминания о Маяковском и «Поэма».

Чичерин пытался ориентировать поэзию на физиологию авторских артикуляций, чему противоречили системы ритма, темпа и рифмы. Это, однако, было программой-минимум. «Материалом для знака Поэзии должен быть иной, бессловесный материал...» — утверждал Чичерин в декларации «Кан-Фун» (1926) и свою конструкцию под названием «Авэки викоф» напечатал не где-нибудь, а на большом прянике. Этот широкий спектр экспериментов и поисков отражен как в поэтических конструкциях, так и в декларациях и мемуарах.

Поиски сблизили Чичерина с теоретиком К. Л. Зелинским и поэтом И. Л. Сельвинским. Итогом сотрудничества стал сборник «Мена всех» (1924), но вскоре после публикации Чичерин был исключен из группы по идейным расхождениям, а Зелинский и Сельвинский основали Литературный центр конструктивистов.

Все эти нюансы проходят через творчество Чичерина пунктирами, отрывистыми пульсациями. Чтобы проследить важнейшие из них, издание снабжено исследованиями и комментариями, которые призваны расширить понимание творческой биографии Чичерина. В статье Сергея Бирюкова в центре внимания — Чичерин как поэт-визуал и фонолог; он представлен в совокупности его теоретико-поэтических поисков, прежде всего звучарных. В обзорной статье Александра Гончаренко восполнены лакуны в интертекстуальном изучении творчества поэта; его работы рассмотрены в диахронном диалоге с Н. Ф. Федоровым и Г. В. Лейбницем, а также в синхронной полемике с футуристами, Б. М. Эйхенбаумом, Ю. Н. Тыняновым и К. Л. Зелинским.

В герменевтическом исследовании Олега Мороза предложена кропотливая интерпретация эзоповского примитива «Поэмы» — около полувека филологи игнорировали машинопись, не видя в ней интереса по сравнению с авангардизмами 1920-х годов. Медленное чтение выявляет то, как Чичерин пытается сатирически отразить реалии литературного процесса 1950-х годов и высмеять зигзаги карьеры А. Т. Твардовского во время развенчания культа личности И. В. Сталина.

Комментарии к текстам Чичерина подготовлены А. А. Гончаренко и А. А. Россомахиным. Традиционный комментарий (объяснение реалий и обстоятельств, которые были на слуху у современников, но забыты потомками; выявление интертекстуальных связей; раскрытие прямых или завуалированных цитат и др.) в ряде случаев тяготеет к интерпретации: так, например, неожиданная и невостребованная «Поэма» предстает своеобразным поставангардистским «Коньком-Горбунком» — непринужденная сказовоерническая манера и насквозь игровая ткань этого масштабного произведения Чичерина способна удивить не только неофитов, но даже профессионаловавангардоведов.

Завершает том подготовленная А. А. Россомахиным библиография изданий Чичерина и работ о нем, а также блок иллюстраций и документов (включая обложки всех изданий поэта и ряд редчайших афиш с его участием), которые призваны стать дополнительным проводником в эпоху и идиостиль автора.

Составители и издательство выражают признательность А. Н. Лаврентьеву и А. К. Зелинскому за возможность опубликовать ряд уникальных постановочных фотопортретов Чичерина.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК.

№ 5--6

1922. Ноябрь.

Ник. Асеев.

Сегодня.

Сегоднятие гиль позабытую разпую О том, как кончался какой-то угодинк. Нет!--Повое чудо ветречают и праздиуют-Румяного века живое "сегодни"... Грузчик поднявший смерти куль, Взбежавший по неба дрожащему трану. Стоит в ореоде порхающих пуль, Святым протянув закорузлую лану. Его не спесете в червонном кивоте Пред иим не заставишь вас неть "аллилуйа"-Он встанет сегодня в смертельной зевоте, На рану кровавыми стустками идюя. И в новое небо пропеллером ввинчен Собою засеет он синюю пустошь... С тобою, с тобой мое звоикое пынче, В твой рай трудовой я войду если пустинь!

Алексей Чичерия.

Тогпа.

Три года быть в костюме палача, Три года быть,.. нозорно волоча Три тени лет, три рабымх трупа-страха... Как тяжкий бред-с погонами рубаха. Познавший смерть, проснувшийся в гробу, Рассекший твердь, трубу-трубу-трубу-Архангелов ликующие зыки--Учуял зов: -- восстаните изыки! Очинтесь все и свергинте тиранов, В уставшем сердце бередите раны, Что ногот от стальных, трехгранных пьявок-шил. Все струпья вен больных огонь зашелуши! Родная тьма, таящий ропот род,

Когда, -- эх-ма! -- низвергнут был урод --

Ты гаркнул ледяным, осенним Октябрем, Целение больным, свобода, братцы! прем!

Сергей .Спасский.

Г. В.

Россия.

(из ципата),

Прочесть не смею этих тонких букв, Что ровное твое слагают имя. Земля молчит в серебряном гробу. В метельном, трепетном и влажном дыме. Суровая и грозная зима. И ты под блесткой выожной ворожбою, Под гулким ветром не ноймешь сама. Какие звезды стынут пад тобою, Какие тяжелеют облака, Как чых-то снов всклубившиеся космы, И в высоте чья легкая рука Подымет солица кубок светоносный. И я стою и вгуздываюсь в тьму Ночей дремучих чую колыханье И сам не понимаю, почему В моей душе все блеск и содраганье. И будто тяжкий шум вершин в лесу, И словно волны звона золотые Вдруг закинят, когда произнесу В смущены имя трудное-Россия. 1922 r.

С. Будавцев.

Лирическим сырьем Наполнены свинцовые недели И на разгром Я вечером и типиной владею. Об шарканье шагов,

Об крик детей, за ценье и мельканье. От облаков Струюсь к ночам пустыми облаками. И рифмы этих строк

Как барышин к бульвару сходят по-две С пера. И строг Вечерини мой, лирический мой подвик.